БОРИС КАМЯНОВ

ЭПИЛОГ

стихи
статьи
колоски памяти
стишутки
бестолковый словарь

переводы
эссе
офонаризмы
интервью
иронические стихи

БОРИС КАМЯНОВ

ЭПИЛОГ

стихи **переводы**
статьи **эссе**
колоски памяти **офоризмы**
стишутки **интервью**
бестолковый словарь **иронические стихи**

БОСТОН • **2026** • BOSTON

Борис Камянов *Эпилог*

Литературный редактор: Михаил Гончарок
Корректор: Наталья Ширман

Boris Kamyanov *Epilogue*

Edited by Mikhail Goncharok
Proofreading by Natalia Shirman

Copyright © 2021–2025 by Boris Kamyanov

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-24-6

Published by M•Graphics | Boston, MA

mgraphics.books@gmail.com
mgraphics-books.com

Book and Cover Design by M•Graphics © 2026

Знак **ŕ** в книге соответствует ивритской букве **ה** и читается как английское **h**.

Printed in the United States of America

Но вот что еще добавлю я, сын мой: будь осторожен — не увлекайся написанием книг, ведь это можно делать бесконечно; сколько книг ни создашь — нет им конца, а множить их число — только плоть свою изнурять.

«Коѓелет» — «Екклесиаст», 12:12.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эту книгу я задумал как посмертную, в которую предполагал включить все написанное мною в разных жанрах, не вошедшее в прижизненно изданные сборники.

После выхода в бостонском издательстве Михаила Минаева M·Graphics моей девятнадцатой книги «Продолжение следует...»[1] прошло два года, и рукопись книги, которую я собирал в качестве посмертной, разрослась, а я, слава Богу, все еще жив и по-прежнему пишу. И я решил предложить уже сейчас эту книгу, которую назвал «Эпилог», все тому же издательству, ставшему для меня родным, поскольку оно опубликовало две моих книги. Следующий сборник, который уже начал складываться, я назвал «Постскриптум». Ему и предстоит, видимо, стать посмертным.

Книга «Эпилог» состоит из пяти разделов:

Стихи.
Переводы.
Статьи, эссе.
Колоски памяти.
Юмор в разных жанрах.

[1] «Продолжение следует...» (воспоминания). Бостон, M·Graphics, 2021.

Стихи

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Прошел марш левой оппозиции
из Тель-Авива в Иерусалим.
(Из газет)

Перекрыта надолго центральная трасса.
Под себя норовя все чужое подмять,
Снизу в горы, к Сиону, ползет биомасса,
Как кипящая лава, текущая вспять.

Ну, а здесь, на вершине святой Иудеи,
Ждут вторжения пышущих злобой когорт
Все противники их сатанинской затеи —
Всемогущего Бога надежный эскорт.

Наш народ разделился, как было когда-то:
Возродился Израиль языческий вновь.
Снова блудный сынок восстает против брата,
Ибо в нем ненавидит отцовскую кровь.

2023

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ

Россия под гипнозом Сатаны.
Сто с гаком миллионов — зомбобесы.
«Войны хотим! Мы требуем войны!» —
Орут они, отбросив политесы.

У главаря чертей глаза пусты,
Мир захватить решил пахан плюгавый.
Над ним вознес кровавые кресты
Его подельник, патриарх лукавый.

В Израиле, где вечный балаган,
Все обстоит серьезнее намного:
Здесь, обнажив ислама ятаган,
Сам Сатана пошел войной на Бога.

2023

ПЕНА

На глади народного моря
Возник серопенный покров,
С чем я, со стихиею споря,
Смириться никак не готов.

Сера́ эта пена от грязи,
Приплывшей с чужбины сюда,
А я свое море заразе
Не дам замутить никогда!

Отдельные клочья той пены
Мечтают уйти на покой.
Осядут они постепенно,
В воде растворившись живой.

Давно Посейдон негодует.
Рукой шевельнет великан —
И то, что останется, сдует
К чужим берегам ураган.

2023

БАРДАК

У власти — трус. Банкуют леваки.
В парламенте — то фарс, то оперетка.
Права качают наглые совки.
Враг осмелел. Обосрала́сь разведка.

«О, Русь моя, родимый мой барак!» —
Писал я в семьдесят шестом в России.
«О, Исраэль, родимый мой бардак!» —
Пишу я в ожидании Мессии.

2023

ДВА КОЗЛА

Итожа опыт прожитых веков,
Готов я снова повторять и снова:
Война должна быть делом стариков,
Которые в конце пути земного.

Пусть дети улучшают этот мир,
Пусть больше не готовят к битвам внуков.
Пусть не ведут врагов мочить в сортир,
На пенсию отправят военруков.

А мы схлестнемся, старые козлы,
Что стали сдуру лютыми врагами,
И бороды повыдираем, злы,
Друг другу мы, и сцепимся рогами.

…Потом в могилах рядом нам лежать,
Навеки от вражды освобожденным.
А молодежь, чтоб нас не обижать,
Похлопает обоим побежденным.

2023

ПАМЯТИ ПРИГОЖИНА

Хоть и был предельно осторожен,
Как и все крутые пацаны,
Уничтожен Путиным Пригожин,
Этот профессионал войны.

Поскорей бы дал и Путин дуба!
Что тут скажешь — оба хороши!
Загубили душу душегуба…
Впрочем, там и не было души.

23.8.2023

БУКВА «Х»

«ХАМАС», «хуситы», «Хизбалла»,
«Хабаш», «Хомейни», «Хаменеи» —
О, буква «х»! Ты — символ зла!
Тебя не любят все евреи!

Ты — символ смерти и греха,
Как вирус страшного ковида!
Я предлагаю букву «х»
Убрать к чертям из алфавита!

Но как же быть тогда с «Хумаш»,[2]
«Хеврон», «херут», «Хабад», «хасиды»?
Я был неправ! Какой пассаж!
Какие глупые обиды!

И все ж меня ввергает в шок,
Когда в бою сошлись два слова,
«Х» — буква в слове «хорошо»
И «х» в понятии «хреново».

2023

УСПЕТЬ!..

Успеть, успеть, успеть!
Закончить, отстреляться,
Доделать, песнь допеть,
С подонками додраться!

Что не решил — решить!
Все рваное заштопать!
Достроить, довершить,
Всех комаров дохлопать!

[2] Хума́ш — Пятикнижие.

Внучат расцеловать,
Допить остаток водки,
С женой дофехтовать —
И в путь.
К Харону.
К лодке.

2023

* * *

Нашим любимым детям посвящаю.

Поморы были, право, молодцы:
Когда теряли силу их отцы
И становились матери недужны,
Решали дети: старики ненужны.

Родителей сажали на салазки
(И это, уверяю вас, — не сказки)
И отвозили бесполезных в лес,
Где звери ожидали их телес.

Сегодня детям нашим наплевать
На то, как там без них отец и мать,
Поскольку знают: государство лечит
И всем необходимым обеспечит.

Звонят они раз в месяц папе-маме,
Не видя их, бывает, месяцами.
Пренебрегая опытом веков,
Детей растят вдали от стариков.

…Один в лесу под деревом сижу,
«Шма, Исраэль!» — под занавес твержу,
Евреям так положено по вере.
Прощайте, дети!
Подходите, звери…

2024

Переводы

ПЕРЕВОДЫ С ИВРИТА

ЙЕҒУДА ҒА-ЛЕВИ[3]

КРАСА МИРА

Ты — краса и отрада мира,
Царя великого трон.
Рвется к тебе душа моя —
увел ее Запад в полон.
В сердце — жалость и боль,
когда вспоминаю былое:
Слава твоя растоптана,
поверженный в прах Сион!..
Где взять мне крылья орлиные,
чтоб прилететь к тебе,
Оросить слезами твой пепел —
так долго их жаждал он.
Мечтаю тебя увидеть,
хоть царства сегодня нет,
А вместо бальзама гильадского —
гадюка да скорпион.
Целовать буду камни твои,
что слаще меда устам,
И прах собирать с них губами,
твоей святостью осенен.

[3] Йеҕуда ҕа-Леви (1080 или 1086 — ок. 1142) — великий поэт и мудрец, живший в Испании.

СИОН, СПРОСИ...

(ФРАГМЕНТ ПОЭМЫ В ВОЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ)

Сион!
Спроси об узниках своих, остатке стад твоих.
Они тоскуют по тебе, не забывай о них!
Со всех концов земли, Сион, привет тебе мы шлем.
Из самых дальних стран наш плач Святой Земли достиг.
Чисты те слезы, как чиста хермонская роса.
Излить бы нам потоки слез на склоны гор крутых!
Рыдаю над твоей бедой, но верю: мы придем!
Я — арфа для твоих псалмов в мечтаниях моих.
. . . . . .

Сион! Ты вечный идеал любви и красоты!
Издревле ты пленял, Сион, сердца детей своих.
Мы были в радости с тобой, теперь — в беде с тобой,
О разрушении твоем льем слезы каждый миг.
Из плена нашего, Сион, прими поклон земной.
К твоим сияющим вратам свой повергаю стих.
. . . . . .

И все ж дождемся счастья мы, вернемся мы домой,
Взойдет над нами череда рассветов золотых.
Сион! Возрадуемся мы веселью твоему,
И юность древняя твоя сойдет с небес святых!

Р. ХАИМ ҐА-КОҐЕН[4]

БОГ СПУСТИЛСЯ В СВОЙ САД
(ФРАГМЕНТ ИЗ ПОЭМЫ)

Говорит народ Израиля:
— Бог спустился в свой сад, чтобы в нем свое стадо пасти,
Чтобы лилий нарвать и венок для забавы сплести.
Слышен голос Его: «Отвори-ка, дочурка Моя,
Мне ворота Сиона, который избрал себе Я!»

Отвечает Господь, благословен Он:
— Дочь Моя! Обещаю: твою не забуду беду.
Соберу свой народ и, как прежде, в Сион приведу.
Я отстрою свой город, возвеличу над миром его красоту.

Обещаю, дитя Мое, вечно Израиль любить.
Боль Моя непомерна. О ней невозможно забыть!

[4] Р. Хаим ґа-Коґен — еврейский кабалист и поэт, живший в XVI–XVII вв. в Халебе (Алеппо).

ХАИМ ГУРИ[5]

БАБ ЭЛЬ-ВАД[6]

Прихожу сюда,
стою у обелиска.
Подо мной — шоссе,
а выше — гор гряда.
Скалы в полумраке
подступили близко,
и над Бейт-Махсир[7] —
первая звезда.

Помнит Баб эль-Вад
выживших и павших
и над полем брани —
гарь и смрадный дым.
Смерть бойцов косила,
но колонны наши
пробивались все же
в Иерусалим!

Остовы машин,
трупы моих братьев,
ножевые ночи,
огневые дни…

---

[5] Хаим Гури (1923, Тель-Авив — 2018, Иерусалим) — израильский поэт, писавший на иврите, прозаик и журналист. В 1942–1947 гг. служил в Пальмахе, в Войну за независимость и Шестидневную войну был офицером Армии обороны Израиля.

[6] Баб эль-Вад (*араб.*) — Ша́ар ха́-Гай (*иврит*) — букв. «Врата долины» — место в 23 км к востоку от Тель-Авива, там, где дорога начинает подниматься к Иерусалиму в ущелье между скалами (т.н. «Иерусалимский коридор»). Во время Войны за независимость этот район стал местом ожесточенных боев между евреями и арабами, блокировавшими Иерусалим и препятствовавшими доставке в город грузов еврейскими конвоями.

[7] Бейт-Махсир — большое арабское село в 9 км к западу от Иерусалима, оставленное жителями во время Войны за независимость.

Баб эль-Вад до смерти
буду вспоминать я.
Слава и печаль —
здесь встретились они.

Там, где мы сражались,
ветер дышит сонно.
Медленно брожу я
среди бурых скал.
Всех ребят в отряде
помню поименно.
Потерявши братьев,
одиноким стал.

Баб эль-Вад…

Горные фиалки
расцветут весною,
анемоны вспыхнут
в каплях дождевых…
Кто пройдет тогда
дорогой той лесною —
вспоминайте нас,
и мертвых, и живых.

Баб эль-Вад…

ХАИМ ХЕФЕР[8]

ДЕСАНТНИКИ ПЛАЧУТ

Эта Стена слышала много молитв.
Эта Стена видела много битв.
Эта Стена помнит прикосновения рук плачущих женщин
и щекотку записок между своих камней.
Эта Стена видела раби Йеѓуду ѓа-Леви,
всадником-сарацином растоптанного перед ней.
Эта Стена видела царей — гонителей и изгнанников.
Одного она еще не видела: плачущих десантников.
Эта Стена видела их усталыми, выжатыми как лимон.
Эта Стена видела их ранеными и помнит каждый стон.
Видела, как бегут они к ней,
кто рыча, а кто молча, с закушенною губой,
переулками Старого города, под сердец барабанный бой.
Каждый — в пыли и поту, яростной жаждой терзаем.
Шепчут они: «Если забуду тебя,
если забуду тебя, Йерушалаим!..»
Могучи они словно львы и легки как орлы, поднебесные птицы,
и танки за ними — Элияѓу-пророка огненные колесницы.
Пролетают десантники, как гроза,
им гнев застилает глаза:
этим мальчикам тех времен не забыть,
когда у нас не было даже Стены — слезы пред ней пролить.
И вот они — рядом с нею. Стоят, переводят дух.
Глядят на нее, и боль их сладка, и все зарыдали вдруг.
Стыдятся друг друга: все же не дети,
чтоб горькие слезы лить.

---

[8] Хаим Хефер (1925, Сосновец, Польша — 2012, Тель-Авив) — израильский поэт, писавший на иврите, журналист, переводчик, режиссер документального кино. В 1936 г. приехал в Эрец-Исраэль, в 1943 г. вступил в Пальмах.

Да может ли быть, чтоб десантники плакали,
может ли быть?!
Нежно трогают пальцы
Стены шершавую твердь.
И вдруг замолкают рыдания
и все начинают петь.
Ребятам — по девятнадцать.
В сорок восьмом появились они на свет.
Но тяжка их ноша: галута две тысячи лет…

Статьи и эссе

СВОИ И ЧУЖИЕ

НАРОД, ЗАБЫВАЮЩИЙ БОГА

Документы торжественно провозглашали присоединение церкви к государству при одном непременном условии: отказе от веры в бога.

В. Войнович. «Москва 2042»

Из Египта вышли, как известно, чуть больше шестисот тысяч взрослых мужчин-евреев, их жены и дети, а также многотысячный (если не многомиллионный) *э́рев рав* (букв. «смешанное общество»; существует, кстати, мнение, что от этих слов произошло русское слово «орава») — иноплеменники, решившие связать свою судьбу с избранным Богом народом. О дальнейшей судьбе этих людей Тора умалчивает. Скорее всего, кто-то из них впоследствии отделился от остальных и осел за пределами Эрец-Исраэль, а кто-то присоединился к народу Израиля по всем правилам, предусмотренным еврейским Законом.

То, что произошло в последней трети XX века и продолжается по сей день, — аналогичный Исход, выражающийся примерно в тех же цифрах, но растянутый во времени. Если подавляющее большинство иммигрантов 70-х — 80-х годов были репатриантами, осознававшими, что легитимность существования Израиля на Святой Земле основана на Обетовании, зафиксированном в Торе, и были в принципе готовы жить по ее законам или хотя бы ориентируясь на них, то очень многие из приехавших в 90-х годах и позже были уже типичными эмигрантами, искавшими лучшей жизни. Они выбрали нашу страну по причинам сугубо практического характера: русский язык, ставший здесь чуть ли не государственным, великолепная медицина, наличие укоренившихся здесь родственников, а также развитой сети продуктовых магазинов, поддерживающих в бывших россиянах усвоенную ими в диаспоре специфическую русскую духовность.

Наличие в составе новых граждан Израиля нескольких сотен тысяч людей, принадлежащих к *эрев рав*, оказавшихся здесь благодаря пресловутой поправке к Закону о возвращении,[35] а во

[35] Имеется в виду добавление к этому закону пункта о внуках евреев и их семьях (см. ниже статью «Книга о преступлении века»).

множестве случаев — корыстолюбию российских паспортистов и архивистов, определило и изменения на политической карте страны. Бóльшая часть приехавших, увидев людей в лапсердаках и штраймлах, непонятных, а потому несимпатичных, стали оголтелыми и агрессивными ксенофобами и вместо того, чтобы выбросить на помойку усвоенные ими в Совке антирелигиозные предубеждения и попытаться приспособиться к существующему в государстве статус-кво в отношениях между религиозными и светскими, вознамерились изменить его и установить здесь свою диктатуру, благо и среди коренных израильтян хватает людей, мечтающих жить в либеральном современном обществе, где властвует принцип «все дозволено».

Так в нашем обществе возник гнойник, который рано или поздно должен был прорваться, что и произошло, когда Авигдор Либерман, талантливый политикан, достигший в политике вершин успеха на правом фланге, решил сменить ориентацию и предал своих многолетних соратников и партнеров, переметнувшись по каким-то своим личным причинам, которые для всех — загадка, к продолжателям политики Рабина-Переса. Он открыто объявил войну религии, и обрадованные «совки», почувствовавшие, что их надежды могут осуществиться, массами ринулись под его знамена.

Сложилась ситуация, при которой именно они, враги иудаизма и, по сути, — чужие люди в Эрец-Исраэль, 17 сентября 2019 года будут решать на выборах судьбу еврейского государства, объединившись с левыми пораженцами, давно и, казалось, навсегда утратившими власть в стране.

При этом позицию левых в отношении нашего будущего еще можно понять — ведь и в самом деле, если мы пришли на эту землю не по праву, декларированному Торой, то мы просто-напросто захватчики и обязаны поделиться с живущими здесь арабами территориями и властью. Но парадокс состоит в том, что либермановский электорат арабов ненавидит, ничем с ними делиться не намерен и, подобно еврейским религиозным радикалам, видит выход в поголовном добровольно-принудительном их трансфере. Однако ненависть «совков» к иудаизму и религиозным евреям сильнее ненависти к арабам, а потому они примкнули к тем, кто ведет государство к неизбежному самоуничтожению.

Я не знаю, что произойдет через несколько дней и какими окажутся результаты выборов, и хочу завершить эти заметки двумя цитатами из святых еврейских книг.

Первая адресована евреям:

Колоски памяти

ВСТУПЛЕНИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ КНИГИ «ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...»

Закончил я книгу воспоминаний «По собственным следам», и, казалось бы, на смену постоянной сосредоточенности на затянувшейся работе должен был прийти душевный покой, как это всегда бывает по завершении труда, требовавшего полной самоотдачи. Но не тут-то было — память не желала отключаться! И бессонными стариковскими ночами, и в дневные часы, заполненные повседневными делами, она подбрасывала и подбрасывает мне выплывающие из прошлого эпизод за эпизодом, не вошедшие в книгу, но так и норовящие все же вломиться в нее и занять там свое место.

Однако ставя в мемуарах последнюю точку, я предвидел такое развитие событий и дал себе слово ничего больше в них не добавлять — иначе этому конца не будет. С другой стороны, многое в моих запоздалых воспоминаниях мне кажется интересным, порой забавным, а иногда и поучительным, и пренебрегать ими жалко — они так и просятся на бумагу. Тогда я решил записывать их и кое-какие свои размышления, создав для этого файл под названием «Колоски»: мне вспомнилась библейская Рут, прабабка царя Давида, которая ходила в поле за жнецами, подбирая упавшие колосья, и так кормилась со своей свекровью Наоми. В полуголодные советские времена на поля выгоняли с той же целью деревенских пионеров — пополнять закрома нищей родины.

Последовал их примеру и я: вторично пошел по собственным следам, подбирая колосок за колоском.

ЛЕКСИКОН НАШЕГО ДЕТСТВА

С возрастом, как известно, в памяти всплывают время от времени забытые, казалось бы, напрочь случаи, ситуации, люди — детали яркой когда-то мозаики, составлявшей наше детство. Иногда это звенья причудливо составленных ассоциативных цепочек, иногда — спонтанно появляющиеся на белом экране воображения точки, как во время проверки поля зрения у офтальмолога. В своей книге воспоминаний и в этих заметках я стараюсь раздуть давно погасший костер, возрождая к жизни таящиеся в глубине его искры. Среди прочего мне вспоминаются понятия и словечки, которых сегодня уже нигде не услышишь, хотя когда-то каждый из моих ровесников многократно использовал их.

Вот, к примеру, замечательное слово — фикстула́, которое можно было услышать в детских компаниях на каждом шагу. Фикстула — это хвастун, задавака. «Кончай фикстулить!» — говорили мы воображале или слышали эти слова, произнесенные в свой собственный адрес.

В пионерских лагерях дети рассказывали друг другу в спальнях перед сном истории из жизни сыщика Шерлохомца. Рассказы о Шерлоке Холмсе издавали мизерными тиражами, и детям приходилось довольствоваться их пересказами, зачастую имевшими самое отдаленное отношение к оригиналам.

Вспоминается замечательная игра штандер: ведущий ее подбрасывал мяч и, пока тот взлетал и падал, выкрикивал имя следующего игрока, которому предстояло поймать его в воздухе и осалить им кого-то из приятелей. Если мяч застревал в ветвях, все кричали: «Природа!» — и следовала переигровка.

Неужели нынешние российские дети будут лет через шестьдесят-семьдесят ностальгически вспоминать слова «стопудово», «суперски», «ништяк», заимствованные ими у взрослых?.. Да ради Бога, лишь бы не пытались возродить их к жизни!

АРМЕНИЯ

Переводя в начале семидесятых годов стихи с армянского, я подумал, что было бы здорово побывать в этой стране, и у меня появилась идея создания сборника стихотворений молодых армянских поэтов в переводе на русский язык, причем переводчиками должны были стать их московские ровесники и коллеги. С этой идеей я пошел в ЦК комсомола, в отдел культуры, где работал поэт Василий Шабанов. Тому эта идея понравилась, и мне была оформлена двухнедельная командировка в Ереван.

Поездка получилась страшно интересной и удачной. Я познакомился со своими ровесниками, симпатичными ребятами, поэтами Артемом Арутюняном и Генрихом Бабаханяном, которые обещали подготовить до моего отъезда в Москву подборки своих стихов и стихов других молодых армянских авторов, снабдив их подстрочниками и подробным изложением мелодических особенностей текстов. За эти дни я поездил по стране, познакомился с ее достопримечательностями, полюбовался из окна гостиницы на Арарат, который армяне называют Масис, побывал у потрясающего мемориала жертвам геноцида армян в Турции в конце девятнадцатого — начале двадцатого веков.

Потряс меня Гегард, пещерный монастырь, основанный в четвертом веке в ущелье р. Гарни, в сорока километрах к юго-востоку от Еревана. Центральное место в монастыре занимает храм, вырубленный, согласно преданию, в скале одним монахом. Начинал он сверху, в том месте, где находится сегодня центральная, верхняя точка купола, и постепенно вгрызался в базальт, спускаясь все ниже и ниже, пока не добрался до уровня земли. У входа вдоль стены была пробита в камне канава, куда сливали кровь приносившихся в жертву баранов, которых забивали тут же. Одну такую сцену, завершившуюся пиршеством на пологом склоне горы неподалеку от места заклания, мне довелось увидеть.

Ереван оказался единственным городом в Совдепии, где не было вытрезвителей. Это, конечно, не означает, что люди там были сплошь трезвенниками, — просто первый же прохожий, увидев вышедшего, скажем, из ресторана человека в сильном подпитии, брал его под руку, подводил к краю тротуара и ловил такси, чтобы отправить захмелевшего домой. Если у того не было денег, добрый человек платил водителю из своего кармана. Однажды я стал свидетелем такой сценки, и она произвела на меня сильное впечатление.

За эти дни я выступил по телевидению и радио и перевел большое стихотворение отца Артема, Микаэла Арутюняна, «Баллада о стене». Буквально через два-три дня перевод был опубликован в ереванской русскоязычной газете, так что я успел на месте получить гонорар, а впоследствии был перепечатан в Москве журналом «Наука и религия». По возвращении в Москву я раздал подстрочники друзьям, книга была готова к печати, но пробить ее так и не удалось — даже несмотря на поддержку такого высокопоставленного «толкача», как Вася. Какими соображениями руководствовались цензоры — ума не приложу, ничего криминального в сборнике не было.

Приведу здесь одно стихотворение Артема Арутюняна в моем переводе.

Осень

(из цикла «Дилижан»)

Время станет реальностью.
Обозначатся тени.
Нежными пальцами звуков
природа
прикоснется к твоему лицу.
Продрогшие сосны

укрыты
длинными плащами дождей.
Трава влажна
от прикосновения утра.
И желание жить —
не от страха остаться вне мира,
а от чистого счастья произрастанья,
что живет на поверхности тел и вещей,
словно стебель упругий под ветром,
равномерно и остро колеблясь...

Недавно я узнал, что Артем сегодня — известный поэт и литературовед, профессор Ереванского университета, читающий лекции по всему миру, лауреат целого ряда премий.

Сегодня, спустя полвека после посещения Армении, я никак не могу определиться в своем отношении к армяно-азербайджанскому конфликту. Как религиозный иудей я, вроде бы, должен быть на стороне мусульман, ибо ислам — монотеистическая религия, в отличие от христианства с его языческим постулатом «Троицы». С другой стороны, ислам в его сегодняшних проявлениях представляет угрозу самому существованию человечества и, хотя его вегетарианская (пока?) азербайджанская составляющая находится в стороне от обострившегося противостояния между этой религией и всем остальным миром, в том числе, христианским, евреи и армяне — по одну сторону баррикады, а потому Азербайджан остается нашим общим потенциальным противником.

Но и в моем отношении к Армении все не так просто. Конечно же, я за то, чтобы Израиль однозначно и во всеуслышание объявил о своем осуждении геноцида армян Турцией. Но я никак не могу забыть о том, что армянские представители в ООН постоянно голосуют за резолюции, осуждающие мое государство, присоединяясь в этом к мусульманам, с которыми конфликтуют сами, в то время как Азербайджан относится сегодня к числу наших друзей, открыто поддерживающих нас (не всегда, правда, но а кто, кроме героической Микронезии, — всегда?..) на международной арене.

Юмор

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

НА СМЕРТЬ ЖИРИНОВСКОГО

Умер безумный имперский юрод.
Ты на кого же нас, милый!
Русский народ и юристский народ
Плачут над свежей могилой…

6.4.22

УТИ-ПУТИН-МИРОЕД

Скушал Путин-мироед
Украину на обед,
Целый мир сожрать готовый,
Он поужинал Молдовой.

Ночью от упадка сил
Закавказьем закусил,
Слопал страны братские
Среднеазиатские.

Как голодный сом — плотву,
Утром проглотил Литву,
Латвию, Эстонию,
Польшу и Японию…

Он рыгнул и облизнулся,
Громко пукнул — и проснулся.
Бедный Путин! Понял он:
Это был всего лишь сон.

Вышел Путин из Кремля
И воскликнул Путин: «Бля!..»

У бедняги нету слов:
Стольный град в руках хохлов

И банкуют китайчатки
От Урала до Камчатки.

2022

КРИК ДУШИ

За то, чтоб изверг сдох,
Я пью уже полгода.
Прошу, великий Бог:
Унасекомь урода!

Неужто, Боже, зря
Об этом я молился?
Прикончи упыря,
Покуда я не спился!

2022

РЫДВАН

Было тело — праздник духа:
Мощный гоночный болид.
А сегодня — развалюха:
Кузов ржав, мотор шалит.

Руль уводит влево, шельма,
И ослабли тормоза,
На обеих фарах — бельма,
Шина каждая лыса.

Подтекает радиатор,
Вышел бензобак в тираж.
Много раз эвакуатор
Отвозил рыдван в гараж.

Драндулет мой стар и болен,
Бывший щеголь и плейбой.
А остался я доволен
Только выхлопной трубой.

2022

ЛЯ-ЛЯ

Когда ты делаешь пи-пи
И чувствуешь бо-бо,
То до больницы дотерпи,
Хотя терпеть слабо.

От боли пляшешь ча-ча-ча,
Тут хоть на стенку влазь.
Тук-тук — и вот ты у врача,
С которым вы вась-вась.

Но, видно, помутился ум
У доктора того:
— Я в этом деле ни бум-бум,
Не петрю ничего.

Я понял, что лепила прав
И споры ни к чему.
И я сказал ему:
— Гав-гав!
И промычал:
— Му-му!

А он мне:
— Выйдите, больной,
Из вашего стиха!
Я взвыл от боли:
— Ой-ой-ой!
А доктор:
— Ха-ха-ха!

2022

* * *

Русь наблюдая, год от года
Все больше поражаюсь я:
Ну да, в семье — не без урода.
Но чтоб уродская семья?!

2022

В ЗАПОРОЖЬЕ

Мастер вдруг остро ощутил, что пятьдесят лет — уже порог старости, и постарался не расстраиваться по этому поводу.

Борис Акунин, «Просто Маса»

Чудно́ ты, провиденье Божье!
Я — старый и больной калека,
Но обитаю в запорожье
Поболее, чем четверть века.

2022

ЖАЛОБА ЖИТЕЛЕЙ АЗЫ В ООН

Нас топят евреи, открыв свои дамбы,
Бросают на нас смертоносные бомбы,
Чтоб гибель ждала нас за каждым углом бы.
От них к нам ползут ядовитые мамбы.

Военщина топчет газоны и клумбы,
Танцуя горячие румбы и самбы,
Дают ребятишкам протухшие бамбы,[60]
Срывают с балконов портреты Лумумбы.

Загнали евреи нас всех в катакомбы,
Чтоб всех утопить в катакомбах потом бы!

Мы — мирные люди, простые арабы.
ООН! Всех евреев повесить пора бы!

2022

[60] Бамба — популярное в Израиле хрустящее лакомство, представляющее собой кукурузные палочки, покрытые арахисовым маслом.

БЕСТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

АВТОМАТ — свободно льющаяся русская речь.
АДЖАРЕЦ — мучитель грешников.
АНАЛИЗАТОР — подхалим.
АНАЛИТИК — проктолог.
АНТИЛОПА — дама на диете.
АНТИСЕМЬИТ — убежденный холостяк.
АНТРЕКОТ — выход на арену одного из питомцев Куклачева.
АТАТЮРК — Эрдоган, которому давно пора сделать а-та-та.
АФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР — жопа.
БАБАХНУЛ — реакция попавшего в женскую баню.
БАЙКЕР — рассказчик забавных историй.
БАНЩИК — администратор «Фейсбука».
БАРТОЛОМЕО — первый мужчина Агнии Барто.
БЕЗЗАЩИТНЫЙ — диссертант-неудачник.
БЕЗОБРАЗИЕ — следование запрету Торы не делать изображений в образе мужчины или женщины, животного, птицы.
БЕСПЕЧНЫЙ — Емеля, переехавший из деревни в город.
БЕСПИЛОТНИК — российских летчик, бомбящий Украину.
БЕСТОЛКОВЫЙ — разумный черт.
БЕСШУМНЫЙ — черт без глушителя.
БИБИГОН — травля Биньямина Нетаньяґу.
БИБИСИТТЕР — сотрудник радиовещательной корпорации BBC.
БОЛВАНКА — дура.
БОЛТЛИВЫЙ — обладатель большого члена.
БОРЕУТОЛЯЮЩЕЕ — мой графинчик с ежедневной дозой водки.
БУРЁНКА — нефтяная скважина.
БУХАНКА — алкоголичка.
ВАГИНОВОЖАТЫЙ — сутенер.
ВАТЕРКЛОЗЕТ — будка во дворе российского ватника-путиниста.
ВДУШЕЩИПАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ — рассказ о супружеских играх в ванной комнате.
ВИСЯК — повешенный.
ВЛЕВАНИЕ — финансовая поддержка Западом израильской «левой».
ВОДКОПАД — «асфальтовая» болезнь.

ВОЛЬНООПУЩЕННИК — пассивный гей, ставший таковым без принуждения.
ВРУБЕЛЬ — отбойный молоток, а также быстро соображающий человек.
ГАСТРАТ — кастрат с гастритом.
ГЕРОИНЯ — «тяжелая» наркоманка.
ГЛАВБУХ — тамада, а также старший в группе сапёров.
ГОЙЯ — признание лжерепатрианта.
ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ — танец обнаженного.
ГОЛОВОТЯП — палач.
ГОЛОСОВАНИЕ — половой акт без презерватива.
ГОМИКС — серия рисунков с краткими текстами, образующая связное повествование о геях.
ГОРИЛЛА — украинская водка экстра-класса.
ГРЕХОВВОДНИК — потаскун.
ГРОМОВИРШЕЦ — Маяковский.
ДАМОГАТЕЛЬСТВО — приставание мужчины к женщине.
ДЕРЮГА — ростовщик.
ДЕФЕЙКАЦИЯ — удаление дезинформации из сетей и СМИ.
ДИПЛОДОК — дипломированный врач.
ДОМОГАВК — цепной кобель.
ДОМОЧАДЦЫ — нефтяные обогреватели.
ДОНОС — успешная доставка официантом подноса с заказом.
ДОНОСИТЕЛЬСТВО — искусство лавирования между столиками с полным подносом.
ДОНОСЧИК — тот самый официант.
ДОПИНГ — ситуация, когда кончилось спиртное.
ДОХОДЯГА — участник соревнования по спортивной ходьбе, прошедший всю дистанцию.
ДУБЛИН — двойную водки, да побыстрее!
ДУРШЛАГ — так Штирлиц называл про себя пастора, сыгранного Ростиславом Пляттом.
ДУРЫНДА — два корабельных колокола.
ДУШЕГУБКА — разновидность мочалки.
ДУШЕПРИКАЗЧИК — банщик.
ДУШМАН — маниакальный чистюля.
ЕВРИПИД — гей в народе Израиля.
ЕДИНОРОГ — муж, чья жена изменила ему лишь однажды.
ЖРЕЦ — обжора.
ЗАБРАЛО — судебный исполнитель.
ЗАГОТКОТ — питомник по выращиванию котят на продажу.
ЗАМУЖЕСТВО — награда за отвагу.
ЗАПРАВИЛА — работник бензоколонки.

ЗЛОБИТЕЛЬНОЕ — второе название препарата озверин.
ЗЛОПЫХАТЕЛЬ — курильщик.
ИДНТИФИКАЦИЯ — выяснение еврейства.
ИЗЧАДИЕ — содержимое горшков наших малышей.
ИМПОХОНДРИК — впавший в депрессию кастрат.
ИНЖЕНЮ — голая женщина с высшим техническим образованием.
ИСТОЛКОВАТЕЛЬ — пестик в ступке.
КАДРИЛЬ — ухаживание.
КАМЕРАЛЬНЫЕ РАБОТЫ — вынос параши и т.п.
КАМЕРУН — завсегдатай ИТУ.
КАЧОК — маятник.
КИЧИТЬСЯ — мотать срок.
КОВЕРНЫЙ — пилот ковра-самолета.
КОМАРИЛЬЯ — жалкое подобие таежного гнуса.
КОМПОТ — пот ударника коммунистического труда.
КОНТРАБАНДА — соперничающая преступная группировка.
КОНТРИК — ласковое название контрацептива.
КОНЧИНА — оргазм.
КОРОЛЬ ТРЕФ — свиной стейк.
КРИТИЧЕСКИЕ ДНИ — дни, когда жена критикует мужа чаще, чем обычно.
КРОВОПУСКАНИЕ — гостеприимство по отношению к оказавшимся без крыши над головой.
КУЛЬТУРОЛОГ — культурный уролог.
КУПИДОН — международный аукцион, который объявит Россия, когда у нее не останется нефти и лесов.
ЛГБТ — Лесбо-Гомо Большой театр (борющийся за почетное звание академического).
ЛЕСБИЯНКИ — роща, в которой любил гулять Виталий Бианки.
ЛОБКОТРЯС — бабник.
МАКАКА — «Мама, хочу на горшок».
МАНИКЮРЩИЦА — поклонница Марии Кюри.
МАОЦЗЕДУНЬКИ — сибирячки, выходящие замуж за китайцев.
МАСКХАЛАТ — домашняя одежда самого богатого в мире человека.
МЕНОПАУЗА — смена караула.
МЕТЁЛКА — обращение козы к корове.
МОРДОБОЙ — некрасивый мальчик.
МУЖ БРАНИ — матерщинник.
МЫТАРЬ — банщик.
НАСТРОЙЩИК — каждый из выпивающих «на троих».
НЕВЕЗУХА — когда дети подолгу не привозят нам внуков.

Интервью

Яков Басин

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗАЖИГАЕТ «ОГНИ СТОЛИЦЫ»

Осенью 1990 года, впервые оказавшись в Израиле, я вписал себе в записную книжку небольшое стихотворение, которое вычитал в газете «Наша страна». Автором его был не известный мне тогда человек по имени Борис Камянов. Датировалось стихотворение 1976 годом. Как я понял, это был год, когда он, «оставив там, за тридевять земель, полжизни и разбитое корыто», прибыл туда, где предстояло, «вернув себе прадедовское имя, гореть в костре родного языка, потрескивать глаголами сухими». Потрясали последние три строчки стихотворения, в которых автор признавался, что, даже обретя «счастье слово «Исраэль» произносить свободно и открыто», он никогда не сможет «забыть такие совсем простые русские слова: «дочурка», «мама», «бедная Россия»».

Разве я мог тогда подумать, что пройдет четверть века — и я буду сидеть рядом с этим самым Борисом Камяновым в его крохотной «хрущевке» израильского образца, за его крохотным рабочим столом, где помещаются только экран компьютера, клавиатура и принтер, и беседовать на те самые темы, которые так будоражили меня еще двадцать пять лет назад? Бежали годы, но это выписанное когда-то из газеты небольшое, в двенадцать строк, стихотворение я носил в кармане вместе с записной книжкой. Как талисман, что ли. Сам не знаю почему. Когда-то оно перевернуло мое сознание. Недавно я этот листок подарил автору.

Мы оба с ним уже немолоды. Пора подводить некоторые итоги. С этого и начинается наш диалог.

Я. Б.: Борис, мы разговариваем с тобой накануне Рош ѓа-шана, еврейского праздника, означающего завершение этапа жизни длиной в год и начало следующего. Тебе в этом году исполняется семьдесят лет. Ты вступаешь в семидесятый такой этап. А в целом, ты мог бы выделить в своей жизни некие периоды, которые отличались бы друг от друга насыщенностью жизненных событий, творческих удач, яркостью впечатлений?

Б. К.: Я уже сделал это. В прошлом году я закончил писать книгу мемуаров «По собственным следам». Она состоит из двух частей. Одна часть — Россия, другая — Израиль. Два

главных этапа моей жизни. Книга написана, но не опубликована, и я не знаю, будет ли она когда-либо издана вообще.

Я. Б.: А в творческом отношении — можно ли твою жизнь разделить на какие-то этапы по тематике, по литературным жанрам или все творчество шло одним сплошным таким потоком?

Б. К.: Нет, никак не «сплошным». Надо сказать, что в течение жизни я писал достаточно мало, «ни дня без строчки» — это не обо мне. Правда, двухтомник, в который почти все написанное вошло, оказался объемистым. Он был издан несколько лет назад. Когда я приехал в Израиль, я продолжал писать стихи. Потом начал заниматься переводами с иврита. В начале девяностых я начал работать редактором в газете «Вести» и стал писать публицистику, которую в «Вестях» же и печатал. В последние годы я писал прозу — те самые мемуары. Продолжаю сочинять стихи — как и раньше, достаточно редко.

Я. Б.: Твой брат Виктор, подобно тебе, тоже был отмечен серьезным литературным талантом. О нем мало что известно. В «Википедии» маленькая статья, и фотографии даже нет. Расскажи что-нибудь о нем.

Б. К.: Я в своей книге много о нем пишу. Для меня он был скорее отцом, нежели братом, в то время как отец был скорее дедушкой. Дело в том, что в сорок пятом году, когда я родился, отцу было уже сорок восемь, маме — сорок один, а Витя был старше меня на двадцать лет с хвостиком. Он фронтовик, воевал несколько лет, был лейтенантом, командиром разведки артиллерийского дивизиона на Северном фронте. После войны он еще год служил в комендатуре какого-то немецкого города и когда вернулся в Москву в сорок шестом, познакомился с годовалым братцем. Витя поступил в Московский педагогический институт на филфак. По распределению попал в Костромскую область, в сельскую школу. Проработал там несколько лет, в Москву вернулся с молодой женой, уроженкой тех мест, тоже словесницей, работавшей с ним в одной школе. Они поселились у нас, у них родились два сына. Витя много лет преподавал русский язык и литературу, в частности, в знаменитой Второй математической школе, параллельно начал писать и публиковать критические статьи и литературоведческие работы. Хорошо помню его первую статью в «Литературной газете». Она называлась «Григорий Мелехов как тра-

гический характер». Это был где-то конец пятидесятых. В итоге он написал и издал несколько книг. Последние годы жизни работал литературным редактором в «Новом мире». Это был очень талантливый человек, остроумный, нестандартно мысливший, ироничный. Он умер в девяносто седьмом году.

Я. Б.: Давай поговорим о литературной жизни русскоязычного еврейства Израиля. Как ты относишься к такому бытующему в «русской» среде мнению, что русскоязычная община представляет собой в стране некое однородное этнокультурное «гетто»? Жизнь представителей этого гетто во многом отграничена от остального общества языковым барьером. У этих людей свой круг знакомств, свои интересы, свои культурные запросы…

Б. К.: В какой-то степени это мнение справедливо, однако обобщать все же не следует. Многое зависит от того, захотел ли приехавший в Израиль «русский» еврей ознакомиться с местной культурой, и если да, то насколько глубоко он вошел в нее. Я знаю достаточно много литераторов, которые одинаково свободно пишут и на русском языке, и на иврите. Людей талантливых, блестящих, переводящих «в обе стороны» и прозу, и поэзию. Однако общая масса действительно представляет собой некое языковое гетто. Если репатрианты семидесятых-восьмидесятых годов в большинстве своем были людьми инициативными, с общественной жилкой, быстро выучили язык, восполнили пробелы в своем еврейском образовании и не испытывали особых проблем с акклиматизацией, то в массовой иммиграции девяностых таких было уже меньшинство. Их мало интересовали вопросы еврейской и израильской самоидентификации. Этих людей больше волновало то, как найти жилье, работу, как выплатить ссуды, взятые на приобретение квартиры. Впрочем, в последнее время я мало общаюсь с теми, кто приехал недавно, если только они не входят в круг коллег, с которыми я общаюсь регулярно. Раньше я был более мобилен, занимался общественной работой. Сейчас я уже немолод, да и редко выхожу из дома из-за проблем с ногами…

Я. Б.: Как, по-твоему, «работает» ли сейчас сионистская идея или постсионизм победил?

Б. К.: Я считаю себя сионистом, то есть убежден в том, что евреи должны жить на Святой Земле. У евреев диаспоры было достаточно времени, чтобы переехать в Израиль, и те, кто

не едет к нам, меня более не интересуют. И уговаривать их не стану, и взывать к еврейскому самосознанию не буду, и даже обсуждать с ними эту тему не намерен. Отношусь к ним в целом с вежливым равнодушием, за исключением тех, кто поселился в Германии: этими я по понятным причинам брезгую.

Я. Б.: Я, говоря о сионистской идее, имел в виду вот что: не произошла ли подмена репатриации обычной эмиграцией?

Б. К.: Ну конечно, произошла. Люди, в основном, ехали не «куда», а «откуда».

Я. Б.: Поговорим о литературном творчестве русскоязычных авторов. Поскольку эта сторона жизни тебе хорошо знакома, скажи: развивается она или просто как-то сохраняется, а возможно, даже угасает? На наших глазах падает активность «русских» газет, интерес к ним. Книги израильских авторов на русском языке имеют очень небольшой круг читателей.

Б. К.: Ну, русскоязычные газеты и русскоязычная литература находятся в разных плоскостях. Несколько авторов, правда, периодически публикуются на литературных страницах «Вестей» или «Новостей недели», но их можно буквально по пальцам пересчитать. Однако есть группы писателей, образующие определенный круг литературного общения. Одна из них, наша организация, Содружество русскоязычных литераторов «Столица», объединяет литераторов Иерусалима и ряда других городов. Мы существуем одиннадцатый год и издаем альманах «Огни столицы». У нас в составе в разное время бывает от тридцати до сорока человек. Мы периодически встречаемся, обсуждаем произведения друг друга. В эти дни работаем над седьмым выпуском альманаха. Так что литературная жизнь продолжается, она интересна и достаточно плодотворна. В Израиле много авторов, которых по праву можно причислить к первоклассным мастерам. Тех, кем могла бы гордиться и языковая метрополия, — несколько десятков. Имен называть не буду, чтобы не обижать тех, кого могу по ошибке не упомянуть.

Я. Б.: Ты пользовался псевдонимом «Барух Авни»...

Б. К.: Это не псевдоним. Это — мое ивритизированное имя. Барухом я стал в определенный момент жизни — тот, когда еврею — младенцу или взрослому — приходит время получать еврейское имя. Что касается Авни — это перевод: «эвен» на иврите — «камень». Так что сочетание «Борис

Камянов» осталось у меня как литературный псевдоним. А мои соседи и ивритоязычные знакомые знают меня под именем Барух Авни.

Я. Б.: Коснемся темы переводов. Мы на наших литературных посиделках вместе с тобой в свое время спорили о том, что такое перевод и насколько буквально он должен соответствовать источнику. Или все-таки перевод — это уже новое, самостоятельное произведение? Ты занимаешься переводами давно. Что это для тебя: полноценное творчество или литературная игра?

Б. К.: Для меня переводы — дело, несомненно, серьезное. У меня есть свои принципы, которые я стараюсь не нарушать. Я признаю́ правомочность существования пересказов на другой язык, но сам этим не занимаюсь, стремясь как можно более точно передать особенности оригинала с сохранением мелодики стиха, системы рифмовки. Перевожу я только с иврита и с идиш, хотя этого языка я не знаю и перевожу с подстрочника. Мне приходилось переводить с идиш стихи Зямы Телесина и Иосифа Керлера. Авторы читали мне их на языке оригинала, а я делал для себя необходимые записи. Оба они остались довольны переводами. А с иврита я перевожу, заглядывая, конечно, время от времени в словари. Что же касается стихов Ури-Цви Гринберга, где и словари не всегда помогут, то у меня среди знакомых есть люди, к которым я в случае необходимости обращаюсь за консультацией.

Я. Б.: Еще пару слов по поводу такого жанра, которым очень редко пользуются современные авторы. Это — венок сонетов. Весьма непростой вид стихосложения, но очень интересный. У тебя нет желания продолжить его?

Б. К.: У меня был только один такой «венок». Я не задавался целью сесть и написать венок сонетов, так вышло само собой. Однажды я начал писать стихотворение и как-то сразу понял, что это — сонет. Дописав и перечитав его, я увидел, что в тексте содержится гораздо больше смысла, чем в том, что уже легло на бумагу. Я сел за стол и часа через три у меня был уже готов венок сонетов. Он, видимо, уже жил где-то во мне и поэтому реализовался в такой короткий срок. Но я назвал его не венком сонетов, а «сонемой». Дело в том, что когда его прочел мой товарищ Миша Генделев, замечательный поэт, он обратил мое внимание на то, что принцип классического сонета, определяющий содержание строф как «тезис — антитезис — синтез — развяз-

ка» мной не соблюден. Потому-то я и назвал свой «венок» неологизмом «сонема».

Я. Б.: Что ты можешь сказать о своей читательской аудитории? Есть ли у тебя чувство связи с теми, кто тебя читает? Обратная связь, так сказать. Или ты пишешь для себя, а читатели хотят — пусть читают, не хотят — пусть не читают?

Б. К.: В общем, когда я пишу, я о читателях не думаю, но я не лишен, конечно, некоего тщеславия, и когда мне говорят, что кому-то понравилось то, что я написал, мне это, естественно, приятно. В целом, у меня, конечно же, есть свои читатели, но я не пишу специально для кого-то конкретно.

Я. Б.: Борис, ты достаточно много работаешь с братией, пишущей на русском языке, знаешь ее. Есть ли пополнение ее рядов из числа русскоязычной молодежи?

Б. К.: Молодежи я не вижу.

Я. Б.: А, может быть, она просто не приходит к тебе? Не может быть, чтобы ее не было вообще. Или она публикуется где-то в изданиях, о которых мы мало знаем…

Б. К.: Молодежь публикуется, в основном, на страницах журнала «Зеркало». Это в большинстве своем постмодернисты. Это направление в литературе и искусстве меня не интересует.

Я. Б.: А, может быть, им с нами, стариками, тоже не интересно?

Б. К.: Наверное.

Я. Б.: В наступающем году тебе исполняется семьдесят лет. Что ты ждешь от этого года? Увидят ли читателя какие-то новые твои работы?

Б. К.: Мне бы очень хотелось, чтобы нашелся издатель, который выпустил бы мою книгу мемуаров. И дело не только в том, что это требует больших финансовых средств, которых у меня нет. А кто будет заниматься ее реализацией? Я не могу позволить себе завалить свою крохотную квартиру тиражом новой книги. А вот небольшой сборник стихов последних лет, не вошедших в двухтомник, надеюсь к своему семидесятилетию, если доживу, издать. Не исключено, что еще что-нибудь напишу за оставшееся до юбилея время.

Я. Б.: В семьдесят шестом году, в год твоей репатриации, ты написал коротенькое стихотворение, последними словами которого были «бедная Россия». Ты прощался с той Россией, которую покидал навсегда. Это была советская Россия. Но вот прошло с той поры почти сорок лет. Изменился мир. Изменилось ли твое отношение к России? Она по-прежнему для тебя «бедная»?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 7

СТИХИ

Противостояние 11
Третья мировая 11
Пена 12
Бардак 12
Два козла 13
Памяти Пригожина 13
Буква «х» 14
Успеть!.. 14
«Поморы были, право, молодцы…» 15
Наша вина 16
О жестокости 16
О вере 17
Запахи 17
Внуки 18
Библейские будни 19
Каннибалы на марше 20
Транзит 21
Троица 22
И снова о смерти 22
Коса 23
Беспутин 23
Отступаем… 24
Подведение итогов 25
Начало конца 25
Уход 26
«Наша жизнь состоит из ошибок…» 26
Слезы 27
«Кого-то убивает бомба…» 27
На кромке 28
Бухгалтерия 28
Ноем и хаем 29
Кольцо 29
Молитва в Рош-ѓа-шана 30
Поющая душа 30

ПЕРЕВОДЫ

С ИВРИТА

Йеґуда Ґа-Леви	Краса мира	.33
	Сион, спроси…	.34
Р. Хаим Ґа-Коґен	Бог спустился в свой сад	.35
Хаим Гури	Баб эль-Вад	.36
Хаим Хефер	Десантники плачут	.38
Аґарон Цейтлин	В эту ночь	.40
Арье Вудка	Из цикла «Ранний листопад»	.41
	Из цикла «Ташмад»	.42

С ИДИШ

Ґирш Глик	Песня еврейских партизан	.45
Моисей Лемстер	Радуга в гетто (поэма)	.46
	Радость жизни	.63
	Будь доволен	.63
	Шестой пасхальный бокал	.64
	Мамина вера	.66
	Моя скрипка Страдивари	.66
	Дед и внук	.67
	Чужие	.67
	Где же ты, любимая?	.68
	Слезы Бога	.69
	Владимиру Спивакову	.69
	Палестинская колыбельная	.70
	Неугасимая свеча	.71

СТАТЬИ, ЭССЕ

СВОИ И ЧУЖИЕ

Народ, забывающий Бога 75
Антисионистский бизнес 77
Вновь о девальвации слов 79
Книга о преступлении века 80
Соотечественникам 85
Будни нашего птичника 86
Ложь как оружие в гражданской войне 88
Между двумя полюсами 92
Неизбежное началось 95
Зло под знаменами добра 95

БУДНИ НАШЕЙ ПСИХУШКИ

Тени качают права 99
Назад, к параше!. 100
У наших лидеров, похоже, не было детства 101
Игры с выбыванием 102
Агенты зла. 104
Желтая ленточка — символ раскола. 107
О сделке с дьяволом 108

ЕВРЕЙСКАЯ ПИРАМИДА

Еврейская пирамида 110
Три щепочки 112
К вопросу о гибели израильтян за рубежом. 113
Три плацдарма 114
Вновь о жизни и смерти. 120
Израиль — еврейский или демократический? 123
Идиотская мантра. 126
Два Израиля в одном флаконе 127
Ненавистный символ. 128

О ВОЙНЕ РОССИИ С УКРАИНОЙ

Лживая правда «ватников» 130
«Харибда», остановившая Волну 132
Момент истины 133
Российский цинизм зашкаливает… 137

РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Ислам против человечества 138
Письмо в Россию по поводу
гонений на «Мемориал». 139
Новояз — новые язвы русского языка 140
Анабиоз как спасение русского языка 142
Успех компрачикосов 143
О переводе еврейских источников
на русский язык 147
О переводах *Мишлей* —
Книги притчей Соломоновых 160
Сравнительное переводоведение 166
Ворчание старого болельщика 168
К вопросу о службе в ЦАҐАЛе 170

Голы в свои ворота 174
Продолжаем забивать в свои ворота. 175
Триумф израильских мазохистов 176
Предисловие к книге рассказов Михаила Гончарка . . . 178
Предисловие к книге стихотворений Нины Локшиной . . 180
«Именник» Йеґуды Векслера (предисловие к книге). . . 181
О Светлане Шенбрунн 183
Еще раз о Пастернаке. 184
Барды моей юности 186
Слащавый миф — и горькая истина 191
Раба эмунатеха 201

КОЛОСКИ ПАМЯТИ

Вступление ко второй части книги
«Продолжение следует…» 205
Лексикон нашего детства 205
Армения 206
Вспоминает Юра Денисов 209
Из кладбищенских историй. 210
Записки преданного государством 210
Переписка с Таней Кузовлевой. 213
Быль 215
Были сборы недолги…. 215
Семейные и иные зарисовки 218
Переписка с Таней Ромазановой,
моей московской подругой. 219
День чудес 220
Без комментариев (и постов). 225
Один в поле 225
Ругательное 231
Как я чуть было не стал миллионером. 232
Зиночке Палвановой в день презентации
ее новой книги «Со скоростью белого света» 233
Второй ответ Вере Кузьминой 233
Исчерпывающий ответ. 234
Диалог. 235
Говно. 235
Оре в день нашей серебряной свадьбы. 236
Пора определяться в жизни 237
Несколько колосков из воспоминаний о брате 237
Преферансисты и дурачкисты 242

Óре в ее юбилей 245
Еврейские свадьбы 245
Две категории идиотов 246
О Стругацких. 246
Об ООН 247
«Клей-дам». 247
О дедушке и бабушке 247
Из писем в Институт изучения иудаизма 247
Неожиданный колосок 248
Наша потрясающая Лотем 249
Наша семья 249
Разница между верующим и религиозным 250
Поза «валет» и возраст 250
Вот я кто, оказывается 250
О переводе русского мата на иврит. 251
Хабад и хабадники в моей жизни 252
Новый смысл старого термина. 257
Мои друзья 258
Не у каждого есть чувство юмора 275
Продаем или покупаем? 275
Деменция, деменция… 276
Памяти «рыжиков». 276
О лакействе 277
Шмуэлю-Кириллу Сахманову 277
Отель или больница? 277
Об истине. 278
Спасибо Интернету — насмешил 279
У нас растет праведник. 279
Пожелание правнука 280

ЮМОР

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

На смерть Жириновского 283
Ути-Путин-мироед 283
Крик души 284
Рыдван 284
Ля-ля. 285
«Русь наблюдая, год от года…» 285
В Запорожье. 286

Жалоба жителей Азы в ООН. 286
Раввин и поп. 287
Сдом в Иерусалиме 288
Старый маэстро. 288
Страна мудаков 289
Супружеская могила 290
О россиянине 291
Мой живот 292
Дедуля. 293
Навеяно классиками 293
Хреновости 294
На посошок 294
Впадаю в детство. 295
Разве это пьянство? 295
Москва незамайская 296
Семья Васильевых 297
Великолепная четверка 298
8-е марта 298
Утро переводчика 299
Вата 300
«Израиля сыны…». 300
Старикашка 301
Диета 301
Страшная месть. 302

СТИШУТКИ 303

ОФОНАРИЗМЫ И ОПЕТАЧКИ 313

БЕСТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ 319

ИЗ СЛОВАРЯ ЭНЦИКЛОПЕДИКОВ 325

РАЗНОЕ. 326

Приложение: три интервью

Якову Басину (2015) 331
Элле Грайфер (2020) 338
Владимиру Ханелису (2025) 343

БОРИС КАМЯНОВ (Барух Авни) — российский и израильский поэт, переводчик, публицист, юморист. Родился в 1945 году в Москве. Был слесарем, грузчиком, рабочим сцены, работал в Литфонде, переводил стихи с языков народов СССР. С 1976 г. — иерусалимец.

Автор восьми поэтических книг, четырех юмористических сборников и еще десяти книг в других жанрах. Переводил стихи Хаима-Нахмана Бялика, Шауля Черниховского, Авраґама Шлёнского, Иосифа Керлера и др.

Ему принадлежит первый перевод Пятикнижия на современный русский язык (М., «Книжники», 2024). Завершил перевод Писаний и работает над третьим разделом Танаха — Пророки. Стихотворения и переводы опубликованы в российских антологиях «Строфы века» и «Строфы века-2».

Был заместителем председателя Союза русскоязычных писателей Израиля, возглавлял его иерусалимское отделение. Основатель Содружества русскоязычных писателей Израиля «Столица», издававшего литературный альманах «Огни столицы». Член ПЕН-клуба.

Лауреат израильских литературных премий: им. Рафаэли (1985), им. Ури-Цви Гринберга (2002 и 2003), «Олива Иерусалима» (2006), им. Давида Самойлова (2016) и Союза русскоязычных писателей Израиля за перевод Торы на современный русский язык (2025).

M-GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

ISBN 978-1-970342-24-6
90000 >
9 781970 342246